ХОРОШЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Доверие как альтернатива легитимности во властных отношениях: философский и социологический дискурс

Александр Дмитриевич Харичев[a]

EDN: LEUBKP

[a] **Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации**

Аннотация: В статье рассматривается концепция доверия как альтернативная аналитической категории легитимности для анализа властных отношений в России. В отличие от западных моделей легитимности, доверие рассматривается не только как рациональная характеристика, но также включает эмоциональные и ценностные компоненты. Автор подчеркивает, что доверие играет важную роль в формировании социального капитала и влияет на устойчивость власти. В работе предлагается многоуровневая модель доверия, учитывающая ценностные, практические и институциональные аспекты, что позволяет глубже понять взаимодействие общества и власти в российском контексте.

Ключевые слова: доверие, власть, социальный капитал, легитимность, российский контекст, многоуровневая модель

Дата поступления статьи в редакцию: 8 апреля 2026 года.

Trust as an alternative to legitimacy in power relations: philosophical and sociological discourse

RESEARCH ARTICLE

Alexander D. Kharichev[a]

[a] **Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration**

Abstract: The article explores the idea of trust as an alternative analytical approach to legitimacy for examining power relations in Russia. Unlike Western models of legitimacy, trust is viewed here as not only a rational characteristic but also one that incorporates emotional and value-based elements. The author emphasizes the important role that trust plays in the formation of social capital and its influence on government stability. The paper examines a multilevel model of trust, taking into account value-based, practical, and institutional factors. This provides a deeper understanding of the interaction between society and the government in the Russian context.

Keywords: trust, power, social capital, legitimacy, Russian context, multi-level model

Received: April 8, 2026.

Введение

Критический анализ западных концепций легитимности выявляет их ключевое ограничение – недооценку ценностно-цивилизационного измерения. Это делает категорию «легитимность» недостаточной для анализа властных отношений в России и актуализирует поиск альтернативной аналитической категории, которой выступает доверие. Теория легитимности опирается на индикативную культуру и перманентную прогрессистскую мобильность, сложившиеся в условиях западной культуры и социальных отношений. Она отдает приоритет количественным показателям и качественным индексам. В то же время западные авторы все же обращают внимание на феномен доверия, но в их концепциях и теоретических схемах оно имеет вторичный характер.

Доверие предполагает учет двух сторон – рациональной и эмоциональной. Если брать рациональную сторону доверия, то это означает, что один участник доверительных отношений (общество) может исполнить некие обязательства при учете результативности, компетентности и предсказуемости другого участника доверительных отношений (власти). Тогда как эмоциональная сторона доверия отсылает специалистов к ценностной сфере, мотивам, открытости, порядочности, доброжелательности, оценке доброй воли [Дугин, 2018. С. 60–66]. Подобные наблюдения хорошо показывают, что доверие – это более комплексная характеристика, чем легитимность. С последней связаны параметры рациональности, относящиеся к эффективности, качественным, количественным показателям, функциональности, процедурности власти. Наличие комплекса эмоционального и рационального, конечно, сближает доверие с легитимностью. Но важной особенностью, отличающей доверие от легитимности, можно назвать его ценностную, цивилизационную, мировоззренческую, религиозную, традиционную, символическую сторону. Доверие связано и с авторитетом власти, ее символическим, персонифицированным воплощением. Как феномен, доверие соотносится как с личностными, так и с коллективными аспектами социальных отношений [Монд, 2023. С. 143–153].

Теоретико-методологические основы исследования доверия

В последнее время среди западных концепций власти, социальных и политических отношений, легитимности власти, исследований в области медиаполитики можно зафиксировать чрезмерное увлечение темами постполитики, биополитики (научная традиция от М. Фуко), манипуляции сознанием, цифровыми манипуляциями. Исследовательский фокус практически не останавливается на специфических кейсах, примерах других, незападных обществ, исторически выработавших свои модели доверия власти, в основе которых не лежат манипуляции, политические интриги и политические технологии. По этой причине важно лучше разобраться в социальном феномене доверия власти, для начала подойдя к самому социологическому понятию доверия как к альтернативной категории анализа властных отношений.

В этом вопросе логично обратиться к междисциплинарному подходу изучения доверия. Междисциплинарный подход предполагает анализ доверия власти, учитывающий данные, принципы, аналитические схемы нескольких научных областей – социологии, философии, лингвистики, политической науки, экономики, культурологии. Междисциплинарная аналитическая оптика позволяет расширить исследовательский горизонт, включив в изучение доверия аксиологические параметры (цивилизационные императивы, культуру, традиционные духовно-нравственные ценности), что особенно важно для понимания специфики доверия в российском контексте. Междисциплинарный подход поможет лучше осмыслить симметричную природу доверия [Данкин, 2017. С 49–60], предполагающую не только доверие общества к власти, но и доверие представителей власти к активным представителям социальных групп, готовым к социальному сотворчеству, созиданию и участию в просоциальных, государственно ориентированных проектах. Легитимность как термин не может обобщить, вобрать всю эту палитру сложности механизма доверия.

Доверие и легитимность представляют собой качественно различные характеристики властных отношений. Если легитимность в ее западной трактовке – это прежде всего согласие с властью, основанное на рациональных, процедурных или инструментальных основаниях, то доверие к власти – это более глубокая, зачастую дорациональная вера в порядочность, справедливость и ответственность власти, укорененная в разделяемых ценностях, историческом опыте и коллективной идентичности.

Доверие аккумулирует в себе как рациональную составляющую (оценка компетентности, эффективности и предсказуемости власти), так и эмоционально-ценностную (уверенность в доброй воле, порядочности, справедливости). Именно эта двойственная природа позволяет доверию гармонично соотносить ценностное, символиче-

ское, цивилизационное с повседневным, прагматичным, реалистичным.

Доверие представляет собой иную качественную характеристику отношений, где аксиологический компонент является не дополнением, а фундаментом, на котором могут строиться рациональные оценки. Именно доверие хорошо встраивается в пространственно-временной континуум научного поиска, связывая особенности взаимоотношений общества и власти в нашей стране с историческими, ценностно-цивилизационными, географическими и природно-климатическими условиями возникновения и развития общества и государства, самой государственности в России. Такие соображения обосновывают выбор доверия как центральной категории исследования, адекватной российской специфике.

Функции доверия в социальном капитале

Как социальный феномен, доверие выполняет ряд ключевых функций. Ученые описывают различные функции доверия. В первую очередь, встречается мнение о функции редукции сложности – сведения различий к общему [Кемеров, 2005. С. 3–19]. В частности, рассматривается редукция сложности отношения к окружающей социальной реальности как некому более понятному отношению степени недоверия/доверия. Редукция сложности оптимизирует социальные взаимоотношения, формирует адаптивность к разным вызовам, увеличивает набор возможностей взаимодействия социальной системы с иными системами, экономя ее ресурсы. Доверие играет огромную роль в объединении разных групп, частей общества, поэтому проблемы с доверием приводят к проблемам социальной консолидации. В функционале доверия заложен механизм его самовоспроизводства, означающий воспроизведение социальных отношений на сложившемся некогда ранее уровне доверия.

К другим функциям доверия, кроме редуцирующей, исследователь И.В. Антоненко относит следующие:

- коммуникативную;
- обеспечение совместной деятельности;
- интерактивную;
- интегрирующую (обеспечивает общность, единство);
- перцептивную (закладывает некую установку на восприятие определенной ситуации);
- управленческую (является важным управленческим ресурсом власти);
- детерминирующую (помогает создавать базу для выработки иных социальных отношений);
- предсказательную (позволяет подготовить прогноз специфики взаимоотношения разных сторон);
- стабилизирующую;
- эффективизирующую (позволяет переводить отношения на более эффективный уровень);
- обобщающую (доверие объединяет в себе другие отношения – политические, экономические и др.);
- личностную (связана с фактором значения роли личности; личности, доверяющие другим и себе, более интегрированы, открыты, счастливы);
- фоновую (проявления индивида, доверие, отношения, связанные с ним, работают на некоем более общем уровне) [Антоненко, 2012. С. 104–108].

Феномен доверия соотносится и с категорией социального капитала. Авторы описывают два подхода к социальному капиталу. Одни исследователи (П. Бурдье, Ф. Фукуяма, Дж. Коулман) говорят о реципрокных отношениях – включенности индивида в сферу социальных сетей, позволяющих приобретать ему некие блага, недоступные не входящим в данные социальные сети. Так, Бурдье предположил, что неформальные связи позволяют трансформировать социальный капитал в иные виды капитала [Bourdieu, 1986. P. 241–258]. Но в этих сообществах доверие формируется только к себе подобным, к остальным такого доверия нет. Другие же исследователи (например, Р. Патнэм) не ограничиваются рассмотрением социального капитала через узкий круг индивидов, интересуясь как отношением к другим индивидам, так и к существующим в социуме государственным организациям, формирующим некие правила. Если первый подход ориентирован на исследование межличностного доверия, то второй – на анализ социальных институтов.

Социальный капитал используется индивидами для совершенствования коллективной деятельности между участниками сообщества [Putnam, 1995. P. 65–78]. Нормы поведения, сотрудничество, по Патнэму, участвуют в механизме формирования доверия. Патнэм различал сплачивающий группу социальный капитал (бондинговый, от англ. bonding social capital) и социальный капитал, «наводящий мосты» (бриджинговый, от англ. bridging social capital), подразумевающий более широкие связи, доверительные отношения, общие ценности и нормы [Putnam, 2000]. Зарубежные авторы отмечают, что Патнэма в основном интересует бриджинговый социальный капитал, так как он может формировать но-

вые сообщества из разрозненных групп [Vannebo, Ljunggren, 2021].

Исследование российских ученых на примере Архангельской области, в том числе перепроверившее подход Патнэма, показало, что рост доверия к публичным институтам способствует повышению бриджингового социального капитала, стимулирует деловую активность, снижает уровень трансакционных издержек [Максимов и др., 2020. С. 66–81]. Обладание так называемым бриджинговым социальным капиталом способствует использованию целой обширной социальной сети отношений, основанной на взаимном доверии людей друг к другу, тогда как дефицит бриджингового капитала, напротив, негативно сказывается на предпринимательском потенциале. Данные наблюдения открывают новые возможности для совершенствования социологии управления. Важно понять, какие приемы, проекты, механизмы, формы государственных отраслевых политик способны создать такую управленческую среду, которая позволит повышать доверие среди населения к власти, одновременно с этим повышая творческую, предпринимательскую, научную, культурную и другие виды просоциальной активности самих россиян. Эти социально-управленческие механизмы пока еще недостаточно глубоко изучены.

Многоуровневая модель доверия к власти

Накопленный массив теоретических представлений и эмпирических данных о доверии требует систематизации, которая позволила бы операционализировать это понятие для последующего исследования. В качестве такой рабочей схемы предлагается многоуровневая модель доверия, интегрирующая его ценностные, практические, институциональные и инструментальные аспекты.

Модель предполагает динамическое взаимодействие между уровнями: нисходящие влияния (от ценностного уровня к практическому) и восходящие (от повседневного опыта к корректировке стратегий). Каждый уровень соответствует определенному блоку индикаторов для эмпирического исследования, что делает модель эффективным инструментом диагностики состояния доверия и выявления дисбалансов между его различными аспектами.

Междисциплинарный подход подсказывает примерные контуры модели доверия, читающиеся в ее многоуровневости. Признаки многоуровневой модели одновременно являются качественными показателями доверия – от идейно-ценностной до практической сторон социальной реальности. Такую модель анализа доверия можно условно представить в виде нескольких уровней[1]:

- *идейно-ценностный уровень* (включающий нравственно-когнитивные смыслы, символы, цивилизационные императивы, национальные и этнокультурные образы, базовые традиционные духовно-нравственные ценности, актуализированные традиции, базовые сценарии, образы общественно-политической активности и социальной ответственности. Последние социологические исследования Института социологии ФНИСЦ РАН как раз свидетельствуют, что актуальность традиционных ценностей и самобытного осмысления своей цивилизационной идентичности постепенно возрастает в российском обществе [Седова, 2023. С. 283–304], и при исследованиях доверия следует учитывать его связь с традиционными ценностями России);
- *практический уровень* (повседневные/обыденные практики взаимодействия в системе личность-общество-государство и их эмоционально-психологическая составляющая, коллективные и индивидуальные режимы восприятия публично-властных событий и явлений; проблематика восприятия действий власти отсылает к феномену ко-образа, связанного с определенным властным контекстом – решениями власти, фигурами политических лидеров, политической ситуацией в стране [Фролов, 2012. С. 102–111]);
- *институциональный уровень* (действующие институты публичной власти и их представители, социально-правовая и внеправовая, публично-правовая активность. Для качественного анализа этого уровня следует учитывать богатый корпус исследований по проблеме институционального доверия [Кобелева, 2016. С. 51–53], к примеру, аналитическая обработка данных социологических опросов, проводимых ФНИСЦ РАН, свидетельствует, что доверие к институтам напрямую связано с созданием и поддержанием как образа будущего страны, так и образа личного будущего человека, при этом недоверие к институтам связано с формированием негативных образов будущего [Кузнецов, 2025. С. 25–47]);
- *инструментально-технологический уровень* (способы, технологии, приемы, практики, методы, инструменты и результаты осуществления публичной власти, их соответствие социальным ожиданиям. Этот уровень не обязательно озна-

1 Уровни не являются строго иерархическими, а взаимно влияют друг на друга. Например, идейно-ценностный уровень пронизывает все остальные, а практический уровень оказывает обратное влияние на институциональный и т.д. Таким образом, данная модель представляет из себя не строгую иерархию, а скорее систему взаимосвязанных уровней.

чает только нормативно-правовую область, но и предполагает технологии и коммуникации (в том числе современные цифровые) формирования, изменения доверия [Халин, Чернова, 2018. С. 46–61]);

- *стратегический (доктринальный) уровень* (стратегии, политические концепции, национальные приоритеты и проекты, доктринальные положения, категориально-понятийный аппарат, образы будущего и т.д.);
- *уровень актуализации* (актуальные компоненты национальной политико-правовой реальности, выступающие значимыми критериями оценки возможных перспектив развития, позитивных (социокультурно одобренных) и негативных (неодобряемых, опасных) общественно-политических явлений и процессов). В этой области большой материал дают лингвистические исследования, анализ лексических единиц, компонентов интернет-фольклора, связанных с властью и ее образом в обществе [Ребрина, 2023. С. 5–22]);
- *уровень общественно-политической целостности* (особенности политического сознания и политической культуры).

Предложенная многоуровневая модель представляет собой комплексную концептуальную оптику для анализа феномена доверия. Каждый уровень вносит свой вклад в формирование и функционирование доверия, причем между уровнями существует постоянное взаимовлияние. Данная модель позволяет системно подойти к исследованию доверия, учитывая как ценностные основания, так и повседневные практики, а также институциональные и технологические аспекты.

Подводя итоги сказанному, следует сделать вывод о том, что доверие власти – это уверенность, убежденность представителей общества в добросовестности, правильности действий власти как таковой и ее представителей. Доверие как категория шире легитимности. Для легитимности важно согласие, но в российских условиях согласие может строиться только на доверии. Легитимность, в основном, лежит в плоскости рациональности, процедурности, эффективности, функциональности. При этом доверие, как правило, означает не только соответствующее отношение населения к власти, но и отношение власти к населению. Доверие аккумулирует в себе и рациональную, и эмоциональную составляющую взаимоотношений социума и власти, гармонично соотносит ценностное, символическое, цивилизационное с повседневным, прагматичным, реалистичным. Историческое развитие России, ее традиции взаимоотношений общества и власти показывают значимость для формирования российской социальной реальности именно доверия, а не легитимности, больше связанной с ценностями западного общества. Доверие связано с редукцией сложности, символическим капиталом.

Категория доверия чрезвычайно важна при подготовке и проведении современных социологических исследований. Учет феномена доверия позволяет качественно использовать междисциплинарный подход и составить более комплексную картину взаимоотношений власти и социальных категорий населения. Предложенный эскиз многоуровневой модели доверия ориентирован на более глубокую аналитическую проработку разных сторон социальной реальности – от идейно-ценностной до практической.

На основании вышесказанного важно особо подчеркнуть, что для достижения устойчивого и достаточного уровня поддержки власти со стороны населения для стабильного и просоциального развития современной России необходимо обратиться в процессах укрепления системы «государство-общество» к традиционным и характерным для нашей страны категориям формирования и делегирования власти – а именно к категории доверия, что позволит на содержательном уровне обеспечить долгосрочную стратегическую поддержку властной системы и процессов делегирования власти со стороны населения России, построенную на базовых принципах и ценностях российской государственности.

Таким образом, достижение устойчивой поддержки власти для стабильного и просоциального развития России требует опоры на аутентичную для отечественной традиции категорию доверия. В отличие от рационально-процедурной «легитимности», доверие аккумулирует в себе ценностные, символические и эмоциональные аспекты взаимоотношений общества и власти, укорененные в российской истории и культуре, представляя из себя комплексное социально-управленческое отношение, основанное на рациональной оценке компетентности и эффективности власти и, что особенно важно, на эмоционально-ценностной уверенности в ее добросовестности, справедливости и разделении ключевых традиционных ценностей общества. Историческое развитие России, ее традиции взаимоотношений общества и власти демонстрируют значимость для формирования российской социальной реальности именно доверия как аутентичной категории, в отличие от производной от западного общества легитимности.

Предложенная многоуровневая модель служит теоретическим основанием для операционали-

зации доверия в эмпирическом исследовании в конкретных сферах социального управления и выявления специфических закономерностей его формирования в российском ценностно-цивилизационном контексте.

Современные индикаторы доверия: персонификация и социальное самочувствие

Академические исследования Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН подтверждают предположения А.С. Ахиезера о медиативных ожиданиях современных россиян, большинство из которых выступают против преобразования института президента [Тихонов, 2019. С. 68–83]. Персонифицированный элемент власти – институт президентства – согласно модели Ахиезера, важен для восстановления доверия власти, преодоления раскола посредством ее медиативных решений.

Российский социолог Н.И. Лапин, применяя социокультурный подход в рамках своей модели ценностной трансформации, также, как и Ахиезер, в качестве важной ценностной линии напряжения российского общества выделил традиционализацию и либерализацию [Лапин, 2000. С. 32–39]. Изучая ценности властности (приоритет у человека ценностей властности в качестве ключевой особенности поведения) и ценности гуманизма (ценности семейных и дружеских отношений, ценности человеческой жизни), Лапин пришел к выводу, что такая двойственность гипотетически может привести к гражданскому конфликту. Выход ученый видел в формировании доверия между ключевыми субъектами российских отношений [Лапин, 2011. С. 3–18]. Это опять же актуализирует вопрос формирования доверия власти в России.

Мы можем заключить, что исследования А.С. Ахиезера и Н.И. Лапина убедительно показали: российское общество исторически расколото по линии «традиционное – либеральное». В этих условиях именно персонифицированная верховная власть выступает главным арбитром и гарантом стабильности. Ее ключевая задача, согласно этой логике, – не столько следование процедурам, сколько преодоление раскола и поддержание цивилизационного единства, что и является основой для доверия.

Современный курс российского государства связан с выбором сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, имеющих большое значение для сплоченности российского общества и страны. Олицетворением гарантий сохранения традиционных ценностей остается персонифицированная сторона власти – фигура российского президента, институт президентства как медиатор общественных отношений. В этой связи важным направлением представляется изучение социального самочувствия россиян, которое многое может сказать о доверии власти, персонифицированным выражением которого является президент.

Представляется важным учитывать результаты исследований социального самочувствия, проводящихся М.К. Горшковым. В качестве опасных тенденций ученый фиксирует чувство нереальности продолжать жить по-прежнему, чувство несправедливости происходящего, чувство стыда за состояние страны. Такие настроения прежде всего могут препятствовать социальной консолидации. Диагностирование таких настроений говорит о большом запросе в российском обществе на стабильность, которая часто связана с традиционными социальными отношениями, государство-ориентированной политикой. Если власть поддерживает такой запрос, то она сохраняет доверие общества. Примечательно, что на улучшение своей жизни больше надеются те россияне, которые положительно оценивают деятельность президентов (Д.А. Медведева, В.В. Путина) [Горшков, Тихонова, 2013. С. 16–21], что позволяет нам говорить о сохранении значимости фактора персонификации доверия власти.

Роль персонификации доверия власти в современном российском обществе фиксируется и в других работах М.К. Горшкова. Так, российские респонденты к положительным персонажам истории относят правителей (князь Владимир, Петр I, Екатерина II, В.В. Путин). Хотя фактор персонификации – не единственный параметр феномена доверия власти. К наиболее важным консенсусным элементам российского общества относятся символы страны (герб, флаг и гимн, Красная площадь, Кремль), выдающиеся соотечественники, писатели, ученые, космонавты, природные объекты (Волга, Байкал), святыни (Кижи, Троице-Сергиева лавра). Огромную символическую роль в сплочении общества, сохранении доверия власти играет память о Великой Отечественной войне, память о Победе в ней [Горшков, 2023. С. 38–51]. Память об этом связывает российские семьи между собой, с прошлым страны. Не случайно теме Победы уделяет первостепенное значение российская власть, в том числе президент. При этом исследования Горшкова также подтверждают, что между приверженцами возрождения традиционных ценностей и сторонниками сближения с Западом существует заметная граница.

Таким образом, особые исторические условия оказывали первостепенное влияние на разви-

тие ценностно-смысловых констант цивилизации России. Они связаны с параметрами важности человека, семьи, общества, государства и страны. Также до сих пор в современном российском менталитете традиция роли личности во власти имеет кардинально значимую важность.

Российская власть в социуме воспринимается именно персонифицировано. Адаптация российской государственности к постоянным вызовам определила значимость персонализации и сакрализации власти. Власти в российском обществе доверяли, если она соответствовала ключевым параметрам. Так, персонификация власти нашла свое выражение в образе русского великого князя, российского государя, царя, императора. Позже – в фигуре советских руководителей и президента Российской Федерации.

При этом персонификация российской власти всегда была изначально связана и с ее сакральностью. Эти признаки российской власти нужно рассматривать в комплексе. Персонификация российской власти была исторически связана с выбором правителем политического курса, разработкой необходимых для общества и государства реформ. Кроме того, персонификация власти имела прямое отношение к колоссальной ответственности государя, правителя за судьбу своего народа, общества, государства.

Для этого требовалась полнота самодержавной власти. Данная социальная ответственность происходила от сакральных оснований власти. Российская власть должна была регулярно исполнять консолидирующую миссию в условиях непростых природно-климатических условий, важности перераспределения ресурсов, постоянных внешнеполитических вызовов и угроз уничтожения религиозных основ социальной жизни страны. Последний вызов западной религиозно-политической конкисты был наиболее значимым.

Одновременно российская власть была гарантом сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, защитником цивилизационной матрицы социальных отношений, отрицающей религиозно-политическое подчинение Западу как опасную форму десуверенизации государства и хищнической колонизации страны.

Таким образом, историко-социологический анализ позволяет сделать вывод: феномен доверия власти в России основан на устойчивой многовековой триаде:

- *персонификация* как ключевой механизм взаимодействия общества и власти;
- *сакрализация/идеологизация* верховной власти, наделяющая ее миссией защиты цивилизационных ценностей и суверенитета;
- *ценностно-смысловые константы* (соборность, служение, справедливость, державность), выступающие критерием оценки власти.

Эта модель, сформированная в ответ на специфические исторические вызовы, демонстрирует удивительную адаптивность, переживая смену политических режимов. Она объясняет, почему в России доверие к власти носит ценностно-эмоциональный и личностно-опосредованный характер, принципиально отличаясь от западной рационально-процедурной легитимности. Данный вывод предоставляет прочный историко-теоретический фундамент для последующей эмпирической верификации модели доверия в современных условиях.

Поиск суверенной модели: от «суверенной демократии» к «плану Путина»

Период 2000–2007 годов знаменуется первыми попытками концептуализации суверенных оснований доверия. Социальная стабилизация началась с корректировки политического курса, предпринятого властью в это время. Этот период совпадает с первым осознанием некорректности, искусственности заимствованных у Запада моделей легитимности. Данный период характеризуется и первыми попытками найти новые, собственные модели формирования доверия власти. К примеру, появилась так называемая модель суверенной демократии (2005–2007 гг.), в рамках которой органы власти должны были формироваться, выбираться, а их действия – направляться только российской нацией [Чернышев, 2007. С. 366–371]. Вместе с тем конкретизации самого понятия суверенной демократии не было. Не было четкого понимания того, что такое российская нация, чем она отличается от русских и россиян. Модель вызвала разные оценки, в том числе и дискуссионные отклики. К примеру, критически идею суверенной демократии оценивал Е.М. Примаков, признавая ее лишь в качестве защитной идеи от внешнего диктата [Пляйс, 2008. С. 24–32]. Поэтому поиски собственной модели доверия власти продолжались.

С начала пребывания у власти президента В.В. Путина стал фиксироваться экономический подъем, росли доходы населения, развивались сельское хозяйство и промышленность, укреплялась вертикаль власти, улучшилась покупательская способность россиян[2]. И все же доверие рос-

2 *Федоров В., Баскакова Ю., Жирикова А.* Россия удивляет: пять эпох в российском общественном мнении (1987–2017). 6 марта 2017 г. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-udivlyaet-pyat-epokh-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii-1987-2017

ло больше всего именно к институту президента, что вновь демонстрирует персонифицированную природу российского феномена доверия власти. Так, согласно исследованию ФОМ (19.08.2003), больше всего в 2003 г. россияне доверяли администрации президента (24 %), правительству (12 %). Меньше россияне доверяли парламенту – Совету Федерации (6 %), Государственной Думе (6 %)[3]. Опрос ВЦИОМ 2007 года показывает, что респонденты больше доверяли исполнительной власти (64 %)[4].

Кроме суверенной демократии в качестве примерной модели доверия власти, появился и «план Путина», являвшийся концентрированной совокупностью тезисов и идей президента В.В. Путина, который пыталась презентовать партия «Единая Россия». В эту модель входили: идея развития России как уникальной цивилизации, защита русского языка; развитие экономики и технологий; поддержание достойного уровня жизни, социальной сферы; поддержка общественных инициатив, институтов гражданского общества, социальной активности; укрепление суверенитета России [Ирхин, 2008. С. 45–56]. Как видно, «план», в отличие от идеи суверенной демократии, имел большую конкретизацию. И все же он был больше привязан к программным установкам «Единой России» и предвыборной активности партии и ее кандидатов.

Однако никакие административные и экономические реформы не могли кардинально решить противоречие между существовавшей с 1990-х годов западной моделью легитимности и социально-культурными особенностями России. Не существовало понятной для всей страны модели доверия власти.

Положение обострялось и тем, что экономическая модель развития страны также была чужеродной, навязанной Западом. Она означала включение в мировую экономику в качестве поставщика ресурсов и экспортно-сырьевую периферийно-капиталистическую модель развития. Вскоре эти коренные противоречия дали о себе знать. Так, из-за системных противоречий рейтинг доверия снижался у президента в конце 2000-х годов. Неодобрение действий президента, согласно данным ВЦИОМ, возросло с 10 до 35 % (в три раза) с 2008 по 2011 годы. Соответственно, снизилось и доверие. К примеру, если в 2007 году, согласно Рейтингу российской элиты-2012 ВЦИОМ, рейтинг доверия Президенту составлял 82 %, то в 2011 году, до «крымского консенсуса», уже 58 %. В 2012 году он вырос до 64 %[5]. Однако после «крымского консенсуса» на фоне обострения конфронтации с Западом рейтинг одобрения президента, согласно ВЦИОМ, дошел до 82 – 86 %.

Дисфункциональность западной модели легитимности сказалась и на оценке результативности деятельности глав регионов. К примеру, проект «ГеоРейтинг» показал большой разрыв и в отношении россиян к региональным властям. Доля ответивших «хорошо» на вопрос «Как Вы считаете, руководитель вашей области (края, республики) работает на своем посту хорошо или плохо?», заданный в рамках этого проекта в 2005 году, составила 47 %. Если, к примеру, в одних регионах такой ответ выбирало большинство респондентов (Тюменская область – 81 %, Кемеровская область – 81 %, Хабаровский край – 84 %, Москва – 85 %), то в других, наоборот, меньшинство (Нижегородская, Амурская и Ивановская области – по 17 %, Костромская область – 15 %, Алтайский край – 14 %) [Ослон, 2006. С. 10].

Определенную проверку на прочность общественного доверия российские политические институты прошли во время финансового кризиса. Показательно, что в условиях финансового кризиса рейтинг одобрения президента страны (Д.А. Медведева), согласно опросу ВЦИОМ от 2008 года, в среднем составлял 74 %. Деятельность председателя правительства (В.В. Путина) одобряли 78 %. Одобряли шаги российского правительства 53 %. Тогда как доверие к российскому парламенту находилось на существенно более низком уровне. Деятельность Совета Федерации одобряли 38 %, Государственной Думы – 38 % россиян[6].

Современные социологические данные подтверждают эту ситуацию. Феномен доверия российской власти сохраняет свою исторически обусловленную черту – персонифицированный характер, связанный с фигурой президента, который является гарантом соблюдения конституции, реализации гражданских прав и свобод, защиты российских экономических и политических интересов, а также сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей. К примеру, данные ВЦИОМ за 2025 год показывают,

3 Рейтинги доверия/недоверия институтам власти. https://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_rei/

4 Три ветви и три уровня власти: кому доверяют россияне? https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tri-vetvi-i-tri-urovnya-vlasti-komudoveryayut-rossiyane

5 *Федоров В., Баскакова Ю., Жирикова А.* Россия удивляет: пять эпох в российском общественном мнении (1987–2017). https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/rossiya-udivlyaet-pyat-epokh-v-rossijskom-obshhestvennommnenii-1987-2017

6 Кому доверяют россияне в условиях финансового кризиса? https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komu-doveryayut-rossiyane-vusloviyakh-finansovogo-krizisa

что деятельность российского президента одобряют 77,5 % россиян, председателя правительства – 51,7 %, правительства в целом – 51,6 %.

Гораздо меньше россияне одобряют работу палат парламента – Государственной Думы (45,2 %) и Совета Федерации (44,6 %)[7]. Опрос, проведенный ФОМ в 2025 году, также показал высокий рейтинг доверия россиян В.В. Путину на посту президента. Позитивно его деятельность оценивают 81 %[8].

7 Деятельность государственных институтов. https://wciom.ru/ratings/dejatelnostgosudarstvennykh-institutov/

8 Владимир Путин: оценки работы, отношение. Показатели работы президента и отношения к нему. https://fom.ru/Politika/10946

Заключение

В настоящей работе подчеркивается, что доверие к власти является ключевым элементом для понимания взаимодействия между государством и обществом. Доверие вобрало в себя как рациональные, так и эмоциональные аспекты, обосновывая его важность в контексте российской социальной реальности. Для достижения устойчивой поддержки власти необходимо учитывать эти факторы, что поможет укрепить систему взаимодействия «государство-общество».

Литература

Антоненко И.В. Интегративный потенциал доверия: метаотношение и функции. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2012. № 1. С. 104–108. EDN: PCJUPX.

Горшков М.К. Историческое самосознание россиян сегодня: социологический диагноз. *Проблемы национальной стратегии*. 2023. № 4(79). С. 38–51. https://doi.org/10.52311/20793359.2023.4.38. EDN HJEXQN.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук*. 2013. № 1. С. 1–54. EDN: PUVQPR.

Данкин Д.М. Симметричное доверие – ресурс стратегии развития. *Безопасность Евразии*. 2017. № 1(53). С. 49–60. EDN: YJGRSF.

Дугин Е.Я. Власть доверия и доверие власти. *Власть*. 2018. Т. 26. № 8. С. 60–66. https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6045. EDN: VNBXBK.

Ирхин Ю.В. Национальная идея России и идеологема «План Путина». *Россия и современный мир*. 2008. № 2(59). С. 45–56. EDN: JJWZGD.

Кемеров В.Е. Две модели общества, редукционизм и антиредукционизм. Социальная философия и опыт современного обществознания: к 40-летию философского факультета. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. С. 3–19.

Кобелева Х.А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2016. № 1. С. 51–53. EDN VWKUVF.

Кузнецов И.С. Институциональное доверие, образ будущего страны и личного будущего. *Социологическая наука и социальная практика*. 2025. Т. 13. № 1. С. 25–47. https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2. EDN: VDKRDO.

Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. 3. № 3. С. 32–39. EDN: ONCGRH.

Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. *Социологические исследования*. 2011. № 9(329). С. 3–18. EDN: OGBDOV.

Максимов А.М., Малинина К.О., Блынская Т.А. Взаимосвязь социального капитала, доверия в обществе и предпринимательской активности населения арктического региона (на материалах Архангельской области). *Арктика и Север.* 2020. № 40. С. 66–81. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.66. EDN: CUQANH.

Монд Д.Л. Доверие как личное благо в контексте социального капитала. *Социологические исследования*. 2023. № 8. С. 143–153. https://doi.org/10.31857/S013216250027377-7. EDN: ISVJSL.

Ослон А.А. Мегаопросы населения России (Проект «Георейтинг»). *Полис. Политические исследования*. 2006. № 6. С. 6–23. https://doi.org/10.17976/jpps/2006.06.02. EDN: HUWFGT.

Пляйс Я.А. «Суверенная демократия» – новый концепт партии власти. *Власть*. 2008. № 4. С. 24–32. EDN: KAQKUN.

Ребрина Л.Н. Неодобряемые/одобряемые фрагменты современной социальной реальности: неузуальные неономинации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22. № 2. С. 5–22. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1. EDN: CZLZFO.

Седова Н.Н. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2023. № 5(177). С. 283–304. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498. EDN: PPNIKZ.

Тихонов А.В. Раскол в современном российском обществе: общество vs власть. *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 8. С. 68–83. https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-8-68-83. EDN: CNEVQP.

Фролов С.С. Восприятие системы власти представителями различных социальных групп. *Социология власти*. 2012. № 2. С. 102–111. EDN: PBQCVT.

Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски. *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 46–63. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63. EDN: YNFXNZ.

Чернышев А.Ю. Классовое и национальное в концепции «суверенной демократии». *Новые идеи в философии*. 2007. № 16. С. 366–371. EDN: TEYRQT.

Bourdieu P. The forms of capital // Richardson. J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport, CT: Greenwood, 1986. In English

Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. J*ournal of Democracy*. 1995. No.6 (1). P. 65–78. In English

Putnam R.D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, Simon & Schuster, 2000. In English

Vannebo B.I., Ljunggren E.B. Bridging or Bonding: An Organizational Framework for Studying Social Capital in Kindergartens. *International journal of environmental research and public health*. 2021. Vol. 18(5). https://doi.org/10.3390/ijerph18052663. In English

References

Antonenko I.V. Integration potential of trust: metarelation and functions. *Vestnik universiteta*. 2012. No. 1. P. 104–108. EDN: PCJUPX. In Russian

Gorshkov M.K. Historical self-awareness of Russians today: a sociological diagnosis. *National Strategy Issues*. 2023. No. 4(79). P. 38–51. https://doi.org/10.52311/20793359.2023.4.38. EDN: HJEXQN. In Russian

Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. Sociocultural factors of consolidation of Russian society. *Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.* 2013. No. 1. P. 1–54. EDN: PUVQPR. In Russian

Dankin D.M. Symmetrical trust – a resource for development strategy. *Bezopasnost Yevrazii*. 2017. No. 1(53). P. 49–60. EDN: YJGRSF. In Russian

Dugin E. Ya. The power of trust and trust of power. *Vlast*. 2018. Vol. 26. No. 8. P. 60–66. https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6045. EDN: VNBXBK. In Russian

Irkhin Yu.V. The national idea of Russia and the ideology of the «Putin's plan». *Russia and the contemporary world*. 2008. No. 2(59). P. 45–56. EDN: JJWZGD. In Russian

Kemerov V.E. Two models of society: reductionism and antireductionism. Social philosophy and the experience of modern social science: on the 40th Anniversary of the Faculty of Philosophy. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2005. P. 3–19. In Russian

Kobeleva Kh.A. Institutional trust in modern Russia through the prism of political genotype. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2016. No. 1. P. 51–53. EDN: VWKUVF. In Russian

Kuznetsov I.S. Institutional trust, the image of the future of the country and the image of the personal future. *Sociological science and social practice*. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 25–47. https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2. EDN: VDKRDO. In Russian

Lapin N.I. Sociocultural transformation of Russia: liberalization versus traditionalization. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2000. Vol. 3. No. 3. P. 32–39. EDN: ONCGRH. In Russian

Lapin N.I. Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization. *Sociological studies*. 2011. No. 9(329). P. 3–18. EDN: OGBDOV. In Russian

Maksimov A.M., Malinina K.O., Blynskaya T.A. The correlation of social capital, social trust and population' entrepreneurial activity in the arctic region (a case study of the Arkhangelsk Oblast). *Arctic and North*. 2020. No. 40. P. 66–81. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.66. EDN: CUQANH. In Russian

Mond D.L. Trust as a private good in the context of social capital. *Sociological studies*. 2023. No. 8. P. 143–153. https://doi.org/10.31857/S013216250027377-7. EDN: ISVJSL. In Russian

Oslon A.A. Mega-surveys of the population of Russia. Project «Georating». *Polis. Political Studies*. 2006. No. 6. P. 6–23. DOI: 10.17976/jpps/2006.06.02. EDN: HUWFGT. In Russian

Plyays Ya.A. «Sovereign democracy» – a new concept of the ruling party. *Vlast*. 2008. No. 4. P. 24–32. EDN: KAQKUN. In Russian

Rebrina L.N. Disapproved/approved fragments of contemporary social reality: unusual neonominations. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2023. Vol. 22. No. 2. P. 5–22. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1. EDN: CZLZFO. In Russian

Sedova N.N. Dynamics of Russians' attitudes and consolidation potential of society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 5(177). P. 283–304. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498. EDN: PPNIKZ. In Russian

Tikhonov A.V. The divide in contemporary Russian society: society vs. authority. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019. Vol. 62. No. 8. P. 68–83. https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-8-68-83. EDN: CNEVQP. In Russian

Frolov S.S. Perception of power system by the representatives of different social groups. *Sociology of power*. 2012. No. 2. P. 102–111. EDN: PBQCVT. In Russian

Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*. 2018. No. 10. P. 46–63. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63. EDN: YNFXNZ. In Russian

Chernyshev A.Yu. Class and national in the concept of «sovereign democracy». *New Ideas in Philosophy*. 2007. No. 16. P. 366–371. EDN: TEYRQT. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Александр Дмитриевич Харичев, соискатель кафедры государствоведения Института государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: dekanat-igsu@ranepa.ru

Для цитирования: *Харичев А.Д.* Доверие как альтернатива легитимности во властных отношениях: философский и социологический дискурс. *Государственная служба*. 2026. № 3. С. 6–15.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Alexander D. Kharichev, Degree Candidate, Department of Theory of State, Institute of Public Administration and Civil Service

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: dekanat-igsu@ranepa.ru

For citation: *Kharichev A.D.* Trust as an alternative to legitimacy in power relations: philosophical and sociological discourse. *Public Administration*. 2026. No. 3. P. 6–15.